

Глава 7

«ЩИРЬЕ УКРАИНЦЫ»

Революция 1917 г. и распад Российской империи позволили украинским националистам реализовать давнюю мечту о «самостийности». Символом Украинской державы стал желто-голубой («жовто-блакитный») флаг, а возглавил новое государство потомок одного из последних казачьих гетманов — Павло Скоропадский.

Однако идея классовой солидарности оказалась сильнее идеи независимости. При помощи Москвы было создано правительство Украинской Советской республики и своя «национальная» Красная армия во главе с Антоновым-Овсеенко. В феврале 1919 г. большевики взяли Киев и хотя Гражданская война на Украине еще далеко не закончилась, судьба самостийности была решена. Желтый и голубой цвета постепенно растворились в двух главных цветах времени — белом и красном.

СКОРОПАДСКИЙ

Род Скоропадских считался одним из старейших в Малороссии. Еще в 1708 г. после измены Мазепы и перехода его на сторону шведов верные Петру I казаки провозгласили новым гетманом Украины стародубского полковника Ивана Ильича Скоропадского. Потомки его не раз осыпались монаршими милостями и к моменту упразднения гетманства (в 1764 г.) уже прочно вписались в ряды имперской элиты. Честно служа царю и Отечеству, Скоро-

падские со временем не только совершенно обрусели, но и приобрели европейский лоск. Подолгу проживавшие за границей, на равных, как свои, они принимались в самых аристократических кругах Парижа, Вены, Берлина.

В 1873 г. во время одного из таких заграничных вояжей у одного из представителей полтавской ветви знаменитого семейства — Петра Скоропадского — родился сын Павел (на украинский манер — Павло).

В силу аристократического происхождения с самого начала перед юношей открывалась блестящая карьера. В 20-летнем возрасте он окончил привилегированный петербургский Пажеский корпус и был выпущен корнетом в лейб-гвардии Кавалергардский полк. Как по долгу службы, так и в свободное время Павел Петрович часто появлялся при дворе, имея возможность общаться с высшими сановниками империи и, следовательно, обзаводиться полезными связями. Скоропадский был лично знаком со многими представителями царской семьи и даже с самим Николаем II.

В 1900 г. на одном из маскарадов в Зимнем дворце молодой кавалергард появился в костюме гетмана. Некоторые мемуаристы задним числом увидели в этом эпизоде некий знак, перст судьбы. Другие пошли еще дальше, заявив, что уже тогда Павел Петрович мечтал о «самостийности» для Украины и гетманской булаве лично для себя. Здесь содержится изрядная доля преувеличения: гибель империи тогда еще никому не могла присниться даже в страшном сне, и одеяние гетмана для праправнука Ивана Скоропадского вряд ли было чем-то бóльшим, чем просто маскарадным костюмом.

Какими бы привилегиями ни пользовались в армии аристократы, рассчитывать на высокие чины без реальных заслуг они не могли, и в мае 1904 г. Павел Петрович отправился на войну с Японией. Сначала он служил при штабах — адъютантом Восточного отряда и адъютантом 3-го Сибирского корпуса, затем перевелся на передовую — во 2-й Читинский казачий полк. Хорошо проявив себя в под огнем и приобретя боевой опыт, по окончании войны Скоропадский возвратился в родную часть — к своим

кавалергардам. Наградой за отвагу стала очередная (и весьма значительная) ступенька в карьере — должность флигель-адъютанта императора.

К чести Скоропадского следует отметить, что делать карьеру, шаркая по дворцовому паркету, он не собирался, отдавая предпочтение строевой службе.

С сентября 1910 г. он командовал 20-м Финляндским драгунским полком, затем более престижным — лейб-гвардии Конным. В марте 1912 г. Скоропадский был произведен в звание генерал-майора и зачислен в свиту Его Императорского Величества, а Первую мировую войну встретил в должности командира 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Медленно, но уверенно Павел Петрович пробирался к вершинам военной иерархии. Против германцев и австрийцев он сражался так же отважно, как и против японцев, и хотя великих побед не одерживал, но пользовался репутацией способного и перспективного военачальника. В 1915 г. его повысили до генерал-лейтенанта, а в январе 1917 г. доверили целый корпус — 34-й армейский.

Спустя месяц в Петрограде грянула Февральская революция, и власть перешла к Временному правительству. В Киеве местные либералы и социалисты создали собственный «орган демократической власти» — Центральную Раду и объявили о намерении добиваться автономии для Украины. Правительство Керенского ничего не имело против «права наций на самоопределение» и даже согласилось на создание собственно украинских соединений (разумеется, подчинявшихся русскому командованию). Поскольку командир и большая часть личного состава 34-го корпуса были «хохлами», именно эту часть сочли удобным полем для подобного эксперимента.

Сам Скоропадский «рідной мовой» не владел и отнесся к идее «украинизации» без энтузиазма. Тем не менее он взялся претворять ее в жизнь, сумев, однако, удержать в корпусе лучших русскоязычных офицеров.

Между тем по мере углубления общероссийского кризиса сепаратистские настроения на Украине брали вверх.

7 ноября 1917 г. Центральная Рада в Киеве провозгласила создание Украинской народной республики (УНР) в составе России. Спустя месяц в Харькове 1-й Всеукраинский съезд Советов объявил Украину республикой Советов. Отряды Красной гвардии сумели установить контроль над Левобережьем Днепра и начали продвигаться на запад. Отражать нашествие пришлось частям Скоропадского, для которого «самостийники» были, конечно же, ближе, чем большевики.

28 декабря 1917 г. прибывшая на мирные переговоры в Брест-Литовск делегация Центральной Рады провозгласила независимость Украины. Немцы и их союзники (так называемый Четвертной союз) поспешили признать новое государство, однако уже 27 января 1918 г. красные войска вступили в Киев и, в свою очередь, объявили об установлении власти Советов. «Самостийники» поспешили прибегнуть к защите Германии, заключив мирный договор, по которому Украина обязалась поставить Четвертному союзу 60 млн пудов хлеба, 3 млн пудов живого рогатого скота, 37,5 млн пудов железной руды и т. д. Немцы и остатки войск УНР перешли в наступление и 1 марта овладели Киевом. Советская Россия вынуждена была заключить Брест-Литовский мирный договор, одним из пунктов которого признала Центральную Раду как единственную законную власть на Украине.

Между тем до подлинной «самостийности» было далеко. В стране разместились германская оккупационная армия генерал-фельдмаршала Эйхгорна. Усиленными темпами немцы начали вывозить продукты питания и сырье. Население бедствовало, экономика дышала на ладан, и, как следствие, по всей Украине начали возникать всевозможные партизанские отряды — большевистские, анархистские и просто бандитские («зеленые»). Опасение немцам внушали и лидеры Центральной Рады, особенно местные «социалисты» — Винниченко и Петлюра. Не удивительно, что германское правительство решило передать власть сильному но надежному человеку, способному удержать ситуацию под контролем. Лучшее всего на эту роль под-

ходил Павел Петрович. 26 апреля германский кайзер Вильгельм II прислал телеграмму Эйхгорну: «Передайте Скоропадскому, что я согласен на избрание гетмана, если гетман даст обязательство неуклонно выполнять наши советы». Через два дня в киевском цирке состоялся съезд хлеборобов, объявивший об избрании Скоропадского единовластным правителем Украины с титулом гетмана. Центральная Рада была разогнана, УНР упразднена и превращалась в Украинскую державу.

По месту провозглашения возрожденного из небытия гетманства последующие события часто сравнивали с цирком. Как акробату-канатоходцу, Павлу Петровичу приходилось постоянно балансировать между тремя враждебными силами — германцами, деникинцами и «самостийниками». Задача эта была почти нереальной и приводила к резким колебаниям в украинской политике.

Своеобразной подачкой местным националистам выглядело освобождение из тюрьмы арестованных во время переворота Винниченко и Петлюры. Кроме того, продолжался начавшийся еще при Раде процесс украинизации. Вся государственная документация, начиная от железнодорожных расписаний и кончая армейскими уставами, переводилась на «рідную мову» с использованием в ряде случаев немецких слов (зачастую это звучало почти маразматически; так, военная команда «Смирно, равнение направо» звучала теперь как «Хальт, струнко направо»). В то же время большинство чиновников, офицеров и даже министров (не говоря о самом гетмане) предпочитали изъясняться на русском языке.

Многие из них рассматривали гетманщину как первый этап к восстановлению единой российской государственности. И, в общем-то, определенные основания для этого были. Так, например, попытка объявить Мазепу национальным героем вызвала со стороны Скоропадского самые решительные возражения. Более того, в беседе с одним из представителей Деникина он доверительно признался: «Вы, конечно, понимаете, что я как флигель-адъютант императора и генерал-лейтенант русской армии не могу быть “щи-

рым украинцем”». И все же идти на открытое сближение с ориентировавшимися на Антанту белогвардейцами он не решался, прекрасно понимая, что власть его на текущий момент держится прежде всего на германских штыках.

В ноябре 1918 г. после поражения в Первой мировой войне в Германии началась революция. Оккупационные войска стали возвращаться на родину, причем зачастую их оружие и снаряжение переходили в руки местных повстанческих отрядов. 18 ноября собравшиеся в Белой Церкви «самостийники» призвали народ к свержению Скоропадского и объявили о создании нового правительства — Директории во главе с Петлюрой. Одновременно через российско-украинскую границу потихоньку начали просачиваться красноармейские отряды. И те, и другие стремились к Киеву, но первыми до столицы Украины все-таки добрались петлюровцы...

Между тем собственная армия у гетмана фактически отсутствовала. Опереточные части «сердюков» и «гайдамаков», прибывая на фронт, либо разбегались, либо переходили на сторону Директории. Пытаясь удержать власть, Скоропадский решил опереться на консервативное офицерство — сторонников «единого и неделимого» Росийского государства. Вступив в союз с Деникиным, Павел Петрович фактически отказался от идеи «самостийности» и поручил наиболее авторитетному из находившихся в Киеве генералов — Ф. А. Келлеру — сформировать отряды Белой гвардии. Однако времени для этого почти не оставалось.

Готовых сражаться офицеров оказалось не более 3 тыс. человек. С учетом необходимости поддерживать порядок в городе на каждого из них приходилось почти по 1 километру фронта. Остановить многотысячную массу петлюровцев столь незначительные силы не могли, тем более что большинство белогвардейцев вовсе не горели желанием сложить свои головы за гетмана.

14 декабря 1918 г. при содействии немцев Скоропадский бежал из Киева. Преодолев достаточно символическое сопротивление офицерских отрядов, войска Директории заняли столицу Украины. Графа Келлера расстреляли

на Софийской площади у памятника Богдану Хмельницкому якобы при попытке к бегству. Плененные белогвардейцы оказались согнаны в педагогический музей, откуда потом потихоньку разбежались. Петлюровцы в это время упивались победой и были заняты грабежами. Впрочем, их радость оказалась недолговременной. С севера уже надвигалась Красная армия...

Дальнейшие события на Украине никак не касались Скоропадского. Остаток жизни он провел там же, где и родился, — в Германии. В апреле 1945 г., всего за пару недель до поражения приютивший его страны, первый и последний гетман «самостийной» Украины скончался от контузии, полученной при бомбардировке Берлина союзной авиацией.

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

Владимир Александрович Овсеенко родился 21 мая 1883 г. в семье офицера. Впоследствии будущий революционер несколько пренебрежительно упоминал о своем отце как о «захудалом дворянине, умершем в чине капитана в 1902 г.». Володя был третьим (после двух дочерей) ребенком в небогатой семье, и с самого детства его усиленно готовили к карьере офицера. Однако, намыкавшись со своими родителями по захудалым гарнизонам России, Украины, Белоруссии и Польши, юноша приобрел явную неприязнь к армейской службе.

По настоянию отца он все-таки закончил Воронежское кадетское училище, однако затем начались проблемы. Из Николаевского инженерного училища Владимир был изгнан (по собственным показаниям) за отказ принять присягу, мотивируя это «органическим отвращением к военщине». В 1901 г. в Варшаве Овсеенко вошел в студенческий социал-демократический кружок, затем, уйдя из дома, работал сначала грузчиком, потом кучером в столичном «Обществе защиты животных».

Затем, то ли устав от малообеспеченной жизни, то ли по поручению своих друзей-подпольщиков, он все-таки

поступил во Владимирское пехотное училище, где сколотил тайный кружок и вскоре угодил под арест за хранение нелегальной литературы. Благодаря заступничеству великого князя Константина Константиновича юнкер Овсеенко отделался незначительным наказанием и в 1904 г. в звании подпоручика был выпущен в размещенный под Варшавой 40-й Колыванский пехотный полк.

У своего начальства молодой офицер явно вызывал подозрения, и потому его решили вне очереди отправить на войну с Японией. Овсеенко тут же перешел на нелегальное положение и зажил бурной жизнью профессионального революционера. Его похождения в годы первой русской революции могут служить основой для волнующего приключенческого романа. Безуспешно попытавшись поднять восстание в гарнизоне Новой Александрии (Польша), Владимир Александрович перебрался в Петербург, и в июне 1906 г. его арестовали за участие в нелегальной политической сходке. После выхода из тюрьмы по амнистии его вторично арестовывали в Москве во время подпольного съезда революционных военных организаций (апрель 1906 г.). Через 5 дней, в пасхальную ночь, вместе с несколькими товарищами Овсеенко проломил стену Суцевского полицейского участка и оказался на воле.

Владимир Александрович спешно уехал в Севастополь (где готовилось восстание матросов) и вновь, на сей раз после ожесточенной перестрелки, попал в руки полиции. За оказанное при аресте сопротивление его приговорили к смертной казни, замененной позднее 20 годами каторги. В июле 1907 г. среди бела дня революционеры взорвали стену Севастопольской тюрьмы и, обстреляв охрану, помогли бежать своим товарищам. Овсеенко перебрался в столицу, где пытался вести агитацию среди экипажа императорской яхты «Штандарт». Затея эта была явно авантюрной, и вскоре на след подпольщика вышла охранка.

Владимир Александрович вновь отправился в Москву для революционной работы в рабочих организациях. После очередного нелегального собрания он опять оказался в полиции и назвался Антоном Гуком — делегатом съез-

да фабричных врачей от предприятий Двинска. В начале века стражи порядка еще не располагали современными банками данных на известных преступников и даже не предполагали, какая птичка им попалась. За 400 рублей, выделенных из партийной кассы, жители Двинского уезда с радостью опознали в Овсеенко своего «земляка», и мнимый «Антон Гук» вновь вышел на свободу. В июле 1910 г. при переходе границы с Германией Владимира Александровича арестовали прусские власти, но благодаря протестам местных социал-демократов он успешно выпутался из этой передрыги и отправился в Париж.

Здесь он обзавелся псевдонимом Антонов и организовал своеобразную биржу труда для русских эмигрантов. Вплоть до 1917 г. Владимир Александрович примыкал к меньшевикам, но, вернувшись на родину после Февральской революции, он опубликовал в «Правде» открытое письмо, в котором объявил о своем согласии с «ленинской линией».

В короткое время Антонов-Овсеенко завоевал большой авторитет среди своих новых соратников. В октябрьские дни он стал секретарем Петроградского Военно-революционного комитета и одним из главных организаторов большевистского переворота. Именно Владимиру Александровичу довелось руководить штурмом Зимнего дворца, арестовать Временное правительство и увековечиться в поэме В. Маяковского «Хорошо»:

«И один
из ворвавшихся,
пенснишки тронув,
объявил,
как о чем-то простом
и несложном:
“Я,
председатель реввоенсовета
Антонов,
Временное
правительство
объявляю низложенным”».

В ленинском правительстве места министров заняли народные комиссары, причем народный комиссариат по военным и морским делам возглавили сразу три человека — Антонов-Овсеенко, Крыленко и Дыбенко. По иронии судьбы, все трое имели украинские корни. При этом Крыленко пришлось заниматься делами армии, Дыбенко — флотом, а вот Владимиру Александровичу доверили самый опасный участок — «борьбу с контрреволюцией на Юге России» (Дон, Кавказ, Украина).

Начиная с декабря 1917 г., в столицу Украинской Советской республики стали прибывать отряды красногвардейцев из Петрограда, Москвы и других городов Центральной России. Общее руководство будущей операцией возлагалось на Владимира Александровича, войсками на самом ответственном направлении Полтава—Киев командовал его заместитель Муравьев. Поскольку установление Советской власти хотя бы внешне должно было выглядеть как дело рук самих украинцев, в одной из телеграмм Ленин посоветовал Антонову-Овсеенко именоваться «просто Овсеенко», а Муравьеву — «Муравенко».

В начале 1918 г. советские войска начали полномасштабную войну против Украинской народной республики. 17 января восстали большевистски настроенные рабочие киевского завода «Арсенал», а через 10 дней к столице Украины подошли части Муравьева. Выпустив по городу около 15 тыс. снарядов и использовав газы, красные к 9 февраля полностью овладели Киевом. Правительство Центральной Рады бежало в Житомир.

Однако уже в марте, после германского наступления и подписания Брестского мира, ситуация в корне изменилась: первый тайм Гражданской войны на Украине выиграли «самостийники» и их немецкие покровители. Почти на восемь месяцев страна перешла под власть гетмана Скоропадского, а Владимиру Александровичу пришлось переключиться на борьбу с донскими казаками и Добровольческой армией Деникина.

Второй тайм начался после революции в Германии. 13 ноября большевистский Совнарком денонсировал Бре-

стский договор и приступил к формированию Временного рабоче-крестьянского правительства Украинской Советской Социалистической Республики (председатели: сначала Г. Л. Пятаков, затем болгарин Х. Г. Раковский). По проекту Антонова-Овсеенко Группа войск Курского направления преобразовалась в Украинскую Советскую армию, причем первым же пунктом в этом проекте указывалось, что «Советская Украинская армия входит составной частью в общероссийскую, и на нее распространяются все законоположения, касающиеся этой последней». На пост главкома «украинские товарищи» попытались провести К. Е. Ворошилова, однако председатель Реввоенсовета Троцкий не раз конфликтовал с ним во время обороны Царицына. В своей телеграмме «красный Бонапарт» категорично указал, что захват Украины требует «...планомерной и систематической работы при участии знатоков военного дела... повторять Царицынские эксперименты на украинской территории в виду возможности столкновения с серьезным врагом — на это, разумеется, мы не пойдем. Стало быть, кандидатура т. Ворошилова совершенно отпадает». Владимира Александровича Троцкий относил к «знатокам военного дела» и именно ему предпочел доверить украинскую армию и весь Украинский фронт.

6 февраля 1919 г. войска Антонова-Овсеенко вторично заняли Киев, вытеснив оттуда петлюровцев. 4 апреля под натиском большевиков оккупационные части Антанты покинули Одессу. Днем раньше один из подчиненных Владимира Александровича (и его бывший коллега по наркомату) П. Е. Дыбенко овладел Перекопом и во главе своей 1-й Заднепровской стрелковой дивизии вторгся на территорию Крыма. Красные заняли большую часть полуострова и создали там Крымскую Советскую Социалистическую Республику (в составе РСФСР).

На всех направлениях войска Антонова-Овсеенко одерживали победы, и их предводитель уже подумывал о том, чтобы разжечь революцию в Европе. Его план заключался в том, чтобы начать войну против Румынии и через

территорию этой страны прорваться в Советскую Венгрию, а затем и в Германию.

Однако все наполеоновские замыслы рухнули в один момент. Увлечшись своими успехами, Антонов-Овсеенко не успел вовремя оказать помощь ближайшему соседу — Южному фронту. Воспользовавшись этим, белогвардейцы нанесли удар в районе Донбасса (почти на стыке Украинского и Южного фронтов). Еще более ухудшил ситуацию мятеж атамана Григорьева, чья бригада как раз и должна была прийти на помощь Советской Венгрии. Выступление удалось быстро подавить, но «прошляпивший» его Антонов-Овсеенко лишился должности главкома Украины и вернулся в Москву.

Последующие полгода оказались самыми тяжелыми для большевиков. Чехи и румыны подавили революцию в Венгрии. Войска Деникина отвоевали Кавказ, Крым, Украину и двинулись прямо на Москву. Спасать Советскую власть пришлось другим военачальникам, а Владимир Александрович был переброшен на административную работу.

В ноябре 1919 — апреле 1920 гг. он руководил советскими органами Тамбовской губернии, где энергично занимался продразверсткой. Затем пошел на повышение, получив должности наркома внутренних дел и заместителя председателя Совнаркома РСФСР. Между тем ретивость, проявленная Антоновым-Овсеенко на Тамбовщине, дала о себе знать и привела к крупнейшему антибольшевистскому восстанию крестьян. Подавлять это восстание (и тем самым устранять собственные недостатки в работе) пришлось опять-таки Владимиру Александровичу.

В 1921—1922 гг. он возглавлял советские органы Самарской губернии, где «боролся с голодом в Поволжье» путем конфискации церковных ценностей и массовых расстрелов среди духовенства. Вообще, везде, где бы ни появлялся «пламенный революционер», — на Украине, в Тамбове или Самаре — ему всегда сопутствовала репутация одного из самых ретивых поборников «красного террора». Недаром почти все противники большевиков находили в его облике и поведении черты «фанатика» и «маньяка».

Считаясь выдвиженцем Троцкого, Антонов-Овсеенко стал жертвой внутрипартийной борьбы.

Поначалу его постигла почетная опала в виде дипломатической работы полномочным представителем СССР в Чехословакии (с 1925 г.), Литве (с 1928 г.), Польше (с 1930 г.). Имея много свободного времени, он начал писать мемуары — «В семнадцатом году», «Записки о Гражданской войне» и др.

В 1928 г. Владимир Александрович точно так же, как в свое время с меньшевиками, демонстративно порвал с троцкистами (жена его этого не сделала, за что в 1929 г. была осуждена к тюремному заключению и впоследствии покончила жизнь самоубийством). На некоторое время карьера Антонова-Овсеенко вновь пошла вверх. В 1934 г. он занял пост прокурора РСФСР, что, разумеется, предполагает его активное участие в сталинских чистках. В 1936—1937 гг., в период Гражданской войны в Испании, Владимир Александрович выполнял обязанности генерального консула СССР в Барселоне, где активно боролся не только с франкистами, но и со всевозможными анархистскими и леворадикальными организациями. Затем он был отозван на Родину и назначен наркомом юстиции РСФСР. Незадолго до гибели Антонов-Овсеенко еще успел проконсультить режиссера М. Ромма, снимавшего фильм «Ленин в Октябре». Однако после выхода ленты на экран в сцене ареста Временного правительства фигурировал уже не Владимир Александрович, а некий рабочий в исполнении П. Ванина. Причина этого заключалась вовсе не в фантазии авторов. К тому времени Антонов-Овсеенко уже был арестован как враг народа. 8 февраля 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к 10 годам лишения свободы без права переписки, что на языке сталинской юстиции означало смертную казнь.

В 1918—1919 гг., исходя из собственных политических интересов, противоборствующие силы — немцы, большевики, белогвардейцы — в разное время и с раз-

ным успехом разыгрывали «украинскую карту». Подлинными националистами (вроде Петлюры и Винниченко) оказывались в этой игре фигурами второстепенными. Что касается Скоропадского и Антонова-Овсеенко, то для них независимое Украинское государство никак не являлось желанной и заветной целью. И сколь бы ни были не похожи друг на друга «самостийный» гетман и большевистский главком, одно можно считать точно установленным: ни тот, ни другой не относились к числу «щирых украинцев».